

В. А. Зверев

ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗА ЖИЗНИ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА СИБИРИ ЭПОХИ КАПИТАЛИЗМА

Опубликовано: *Зверев, В. А.* Итоги и задачи изучения образа жизни русского крестьянства Сибири эпохи капитализма / В. А. Зверев // *Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма: историография проблемы* : сб. науч. тр. / отв. ред. Л. М. Горюшкин. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1988. – С. 150–170.

Приступая к изучению образа жизни русского крестьянства второй половины XIX — начала XX в., примем в качестве исходного одно из наиболее четких и конструктивных определений предмета, которое разделяется многими исследователями: «Образ жизни — это способ или характер всей жизнедеятельности данной личности, социальной группы или всего общества, детерминированный их собственной природой, общественно-экономическими и естественно-географическими условиями их жизни»¹. (Условия жизнедеятельности здесь не входят в структуру образа жизни, но обязательно принимаются во внимание в качестве внешних факторов.) Мы будем иметь в виду ту сторону жизненной активности человека, которая диктуется не биологической его природой, а социальными программами поведения и созданными обществом в процессе его развития средствами реализации этих программ. Полагаем также, что предмет изучения не сводится только к различным формам деятельности. Наряду с деятельностью как родом субъектно-объектных отношений (человек — природа, человек — общество, человек — информация) в образе жизни людей литература последнего времени выделяет общение как род отношений субъектов друг с другом и «объектно-объектные социальные процессы, которые кроме деятельности и общения включают также их непредвиденные и неконтролируемые последствия»².

В самом общем виде структура образа жизни крестьянства России эпохи капитализма как предмета конкретно-исторического изучения может быть представлена поэтому следующим образом: хозяйственная деятельность, общественная активность, познавательная деятельность, общение в крестьянской среде (оно пронизывало все сферы деятельности, но относительно самостоятельно выступало во время досуга). Общаясь друг с другом, познавая природную и общественную среду и воздействуя на нее, крестьянство возобновляло

¹ **Бутенко А. П.** Образ жизни: содержание, проблемы и нерешенные вопросы // *Вопр. философии.* 1978. № 11 С. 41.

² **Тыщенко В. П.** Категория культуры и функции марксистско-ленинской философии // *Философские проблемы культуры.* Новосибирск, 1984. С. 14. См. также: **Ломов Б. Ф.** Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. С. 242—258; **Соковнин В. М.** О природе человеческого общения. Фрунзе, 1973; **Тыщенко В. П.** Соотношение категорий «общение», «установка», «деятельность» // *Формирование потребности личности в общении.* Новосибирск, 1981.

внешние условия своего существования. Но одновременно оно воспроизводило и себя самое. Поэтому следует выделить еще один компонент образа жизни — воспроизводство крестьянского населения в процессе демографического поведения и социализации подрастающих поколений. Рассматривая любую сферу образа жизни, нужно выяснять, в какой степени результаты ее функционирования являются сознательно намечаемыми, а в какой — появляются непредвиденно, например, в результате недостаточно осмысленных (субъективно) действий «по традиции». Образ жизни можно рассматривать, следовательно, как способ овладения людьми, осуществляющими деятельность и общение, теми социальными процессами, в которые эти люди втянуты.

Историю общества делают люди с их субъективными мотивами и целями. Однако подлинное научное рассмотрение исторического процесса как результата жизненной активности людей возможно только в связи с анализом развития общества как материального процесса, закономерного и независимого от воли и сознания людей, и на основе последнего³. Домарксистская историческая наука была не способна увидеть глубинные причины и объективные закономерности развития общества, правильно оценить характер влияния человека на условия своей жизни. Поэтому в ней не могло сложиться сколько-нибудь цельное представление об образе жизни крестьянства как класса-сословия, действовавшего в Центральной России и на окраинах в условиях господства капитализма, опутанного большим количеством феодальных пережитков. В литературе накапливались многочисленные и ценные фактические данные, но на основе их первоначального обобщения формировались весьма противоречивые и часто одиозные оценки.

В рамках официальной историографии утвердилось мнение о лени и поголовном пьянстве крестьян как основных причинах застойности и упадка их хозяйства, о прогрессирующей под влиянием слабой религиозности и ссылки «грубости нравов», распущенности сельчан Сибири⁴. В трудах ряда представителей раннебуржуазного направления 60-х гг. XIX в., напротив, прослеживается идеализация крестьянского быта⁵. Продолжая эту линию, исследователи-сибиреведы областнического толка вывели «идеализированный тип старожила — инициативного, образованного, энергичного, демократического по натуре» крестьянина — будущего деятеля вождя областного

³ Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история: Проблемы теории исторического процесса. М., 1981. С. 62, 193.

⁴ Плотников А. Ф. Нарымский край. Спб., 1901; Беликов Д. Н. Старообрядческий раскол в Томской губ. (по судебным данным) // Изв. / Том. ун-т. 1895. Кн. 7; Молодых И. А. Внеземледельческие занятия крестьян Хомутовской волости // Изв. ВСОРГО. 1890. Т. 21. № 1; и др.

⁵ Завалишин И. И. Описание Западной Сибири. М., 1862–1865. Т. 1—2; Абрамов Н. А. Город Ялуторовск с его округом // Тобольские губ. ведомости. 1864. № 25—29; и др.

самоуправления⁶. В условиях кризиса народнической теории и практики на основе развития взглядов А. П. Щапова в мелкобуржуазной историографии сложилось представление о том, что жизнь крестьянства Сибири была «жвачной жизнью сытого организма, не имеющего никаких идеалов впереди, никаких заветов — позади себя»⁷. Попытки преодолеть крайности, дать взвешенную оценку образу жизни крестьян, предпринимавшиеся наиболее подготовленными в научном отношении и хорошо знакомыми с предметом исследователями, были локальными по масштабам и не во всем последовательными⁸.

Исследователи-марксисты в досоветский период сосредоточили внимание на анализе основных объективных закономерностей развития промышленного и аграрного секторов экономики Сибири, социально-экономических условий жизни трудящихся. Решающее значение в этом плане принадлежит работам В. И. Ленина, заложившего методологическую основу изучения всего комплекса вопросов истории крестьянства России, и, в частности, проблематики условий и образа жизни крестьянства в целом, а также его этнических и региональных отрядов, социальных слоев и групп⁹.

В 1920-х — начале 1930-х гг. исследование жизненного уклада русских крестьян Сибири продвинулось вперед главным образом за счет усилий этнографов, многие из которых начали свою научную деятельность еще до Октября. Наблюдая революционную ломку старых и становление новых форм деревенской жизни, исследователи осознали, что «уловить борьбу старого с новым ... отметить положительные и отрицательные стороны совершающихся бытовых процессов — все это задачи интересные и важные не только в чисто научном, но и в практическом отношении»¹⁰. Многие из старого еще не ушло в прошлое, и этнографы старались его зафиксировать и осмыслить.

⁶ Федорова В. И. Проблемы социально-экономического развития Сибири конца XIX — начала XX в. в научном и публицистическом наследии Д. А. Клеменца // Аграрные отношения и земельная политика царизма в Сибири (конец XIX в. — 1917 г.). Красноярск, 1982. С. 72.

⁷ Астырев Н. М. На таежных прогалинах: Очерки жизни населения Восточной Сибири. М., 1891. С. 24. См. также: Щапов А. П. Собр. соч. Иркутск, 1937. Том доп.; Станиловский А. М. Записки. Иркутск, 1912. С. 103—104; и др.

⁸ Арефьев В. С. Очерки захолустной жизни // Енисей. 1898. № 54, 67, 69, 72, 76; Он же. В низовьях Ангары // Сиб. сборник. 1900. Вып. 1; 1901. Вып. 1; Герасимов Б. Г. В долине Бухтармы // Записки Семипалатинского подотд. ЗСОРГО. 1911. Вып. 5; Загоскин М. В. Одна из сибирских общин (с. Грановское). Иркутск, 1891; Зобин Ф. К. Из года в год // Живая старина. 1894. Вып. 1; Альтерно (Клеменц Д. А., Макаренко А. А.). Новый сборник статей о Сибири // Сиб. вопросы. 1908. № 33/34; Макаренко А. А. Промысел красной рыбы на Ангаре. Спб., 1902; Он же. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Спб., 1913; Новоселов А. Е. Умирающая старина // Записки Семипалатинского подотд. ЗСОРГО. 1915. Вып. 10; Швецов С. П. «Молочные бунты» в Сибири и их причины // Рус. богатство. 1902. № 3; Швецова М. В. «Поляки» Змеиногорского окр. // Записки ЗСОРГО. 1899. Кн. 26; и др.

⁹ Горюшкин Л. М., Миненко Н. А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI — начало XX в.). Новосибирск, 1984. С. 167–172, 252–253.

¹⁰ Слободский М. А. Итоги и задачи этнографического изучения Томского края. Томск, 1929. С. 29. См. также: Виноградов Г. С. Этнография и современность. Иркутск, 1923.

В условиях организационного и материального укрепления науки группа ученых Иркутского университета во главе с М. К. Азадовским и Г. С. Виноградовым поставила задачу планомерного обобщения уже накопленных источников, систематического изучения современного состояния и истории «всех сторон народной жизни» в Сибири¹¹. При этом особый упор предполагалось сделать на освещение ряда наименее изученных сюжетов: познавательной активности крестьян и ее результатов в области народной агрономии, ветеринарии и технологии; медицинской и педагогической деятельности крестьянства; его достижений в области искусства. Приступив к реализации этой программы, ученые организовали экспедиции в некоторые районы Восточной Сибири¹². Одновременно с деятелями «иркутской школы» сохранявшиеся еще традиционные формы крестьянского быта изучали и другие исследователи¹³.

Труды этнографов способствовали дальнейшему накоплению фактического материала и содержали ценные выводы теоретического характера. Они утверждали представление о плодотворности взаимовлияния образа жизни русских крестьян и аборигенов Сибири в результате совместного проживания и смешанных браков, о целесообразности применявшихся в деревне принципов и способов распределения и организации в рамках семьи и общины хозяйственных обязанностей. Народная педагогика аргументировано рассматривалась как кладезь бесценного опыта умственного, трудового, нравственного и физического развития подрастающих поколений. В это же время был сделан важный вывод об исключительно плодотворном влиянии всего образа жизни политических ссыльных на окружавшее их в дореволюционной сибирской деревне население¹⁴.

Однако уже в 20-х — начале 30-х гг. выявились и слабые стороны узкого этнографического подхода к изучению образа жизни крестьянства. Исследователи анализировали преимущественно устойчивые, традиционные формы жизненного уклада, сформировавшиеся в докапиталистическую эпоху, меньше внимания уделяя инновациям,

¹¹ Азадовский М. К. Этнография в Сибири // Сев. Азия. 1926. № 5/6. С. 131; **Первый** Восточно-Сибирский краеведческий съезд. Иркутск, 1925. С. 373.

¹² **Сибирская** живая старина / Ред. Азадовский М. К., Виноградов Г. С. Иркутск, 1923—1929. Вып. 1—9.

¹³ **Бородкина М. В.** Деревня Иткара Томского края. Томск, 1927; **Она же.** Очерки хозяйственной жизни Баргузинского края // Очерки по изучению Прибайкалья. Иркутск, 1926; Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930; **Воробьев Н. И.** Материалы по быту русского старожильского населения Восточной Сибири // Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. Казань, 1926. Т. 33. Вып. 2/3; **Он же.** Рыболовство на реке Чуне (приток Ангары). Красноярск, 1926; **Красноженова М. В.** Сказки Красноярского края. Л., 1937; **Орлова Е. Н.** Население по рр. Кети и Тыму, его состав, хозяйство и быт. Красноярск, 1928; **Попова А. М.** Семейские (забайкальские старообрядцы). Верхнеудинск, 1928; **Селищев А. М.** Забайкальские старообрядцы (семейские). Иркутск, 1920; и др.

¹⁴ **Тетерин Н. И.** Политическая ссылка в народной поэзии Киренского уезда // Каторга и ссылка. 1924. Кн. 6 (13). С. 201.

связанным с последующим историческим развитием. Соответственно выбирались и районы исследования — главным образом глухие, относительно изолированные местности со сравнительно низким уровнем социально-экономического развития. Ученые интересовались, прежде всего, особенностями быта своеобразных в этнографическом отношении «сибирских провинций», важнейшие же для нашей темы различия образа жизни представителей разных социальных слоев и групп крестьянства, сохранявшиеся в советской доколхозной деревне как «наследство» от эпохи капитализма, оставались обычно вне поля зрения. Последний недостаток объясняется тем, что не все исследователи уже вполне овладели марксистско-ленинской методологией.

В 1920-х гг. к изучению хозяйственной жизни крестьянского двора начали подключаться экономисты. Работа Л. И. Васильевой была фактически посвящена изучению старых форм хозяйства по их остаткам, сохранившимся до сплошной коллективизации¹⁵. Пользуясь данными подробного обследования 132 сельских дворов Западной Сибири, автор выясняла размеры и характер использования в них «своей» и наемной рабочей силы, проанализировала распределение затрат рабочего времени по важнейшим отраслям хозяйства и половозрастным группам работников. Поскольку все показатели были дифференцированы по социальным слоям доколхозной деревни, обнаружилось важные особенности экономической деятельности членов бедняцких, середняцких и кулацких дворов. К сожалению, аналогичные работы по другим регионам Сибири не появились.

Пока не пришло время решающих успехов в деле изучения жизненного уклада дореволюционной деревни, в литературе, особенно публицистического и научно-популярного характера, продолжали появляться его преувеличенно негативные оценки¹⁶. Это были отголоски представлений, имевших место в историографии предшествующей эпохи, хотя субъективно они отражали вполне понятное, но неумело реализуемое стремление противопоставить новую жизнь при социализме старым порядкам.

Историки в 20-х — начале 30-х гг. продолжали изучение социально-экономических условий жизни крестьянства Сибири при капитализме и добились здесь определенных успехов¹⁷. Эта линия исследований на следующем, втором этапе советской историографии, в середине 1930-х — первой половине 1950-х гг., вышла на первый план, но не столько благодаря существенному ее усилению, сколько за счет того, что изучение быта крестьянства Сибири, которым ранее занимались этнографы, было практически свернуто. Большое место в работе историков начинает занимать тема революционного движения в сибирской деревне.

¹⁵ **Васильева Л. И.** Организация труда в крестьянском хозяйстве. Омск, 1929.

¹⁶ **Николин А.** Деревня о себе // Сиб. огни. 1925. № 6.

¹⁷ **Горюшкин Л. М., Миненко Н. А.** Историография Сибири... С. 173—178.

Участие крестьянства в революционном движении — важнейшее проявление его общественной активности. Первые работы, содержавшие сведения по крестьянскому движению в Сибири и его оценки, появились еще в домарксистской литературе, но методологические основы действительно научной историографии этой темы заложил в своих трудах В. И. Ленин. Если на первом этапе советской историографии ученые в основном ограничивались указанием наиболее ярких выступлений на Алтае, то в середине 30-х — первой половине 50-х гг. были охарактеризованы основные требования крестьян, формы их борьбы в различных районах Сибири. Наряду с сильными сторонами крестьянского движения 1905—1907 гг. были показаны его недостатки (неорганизованность, недостаточная наступательность и др.)¹⁸.

Достижения первого этапа советской этнографии в изучении деревенского быта и успехи в исследовании социально-экономической истории и истории классовой борьбы послужили основой для вышедшей в 1956 г. книги «Народы Сибири», задуманной как «первый опыт сводки по этнографии Сибири». Здесь был помещен большой «Историко-этнический очерк русского населения Сибири в дореволюционный период»¹⁹. В нем обстоятельно анализировались важнейшие хозяйственные занятия, устное поэтическое и изобразительное творчество. В отличие от этнографических работ предшествующего периода земледелие, животноводство, охоту, рыболовство, собирательство, обрабатывающие промыслы «Очерк» рассматривает в тесной связи с эволюцией капиталистических отношений. Авторы доказывают общность основных условий и образа жизни русских крестьян Европейской России и Сибири, но стремятся вскрыть и особенности хозяйственной жизни крестьян-сибиряков. Эти особенности правильно усматриваются, в частности, в «пестрополье» (большом разнообразии систем земледелия), пастьбе животных без пастухов в покотинах, в своеобразных приемах охоты и рыболовства, наличии специфических отраслей хозяйства (мараловодство, сбор кедровых орехов). Указываются несомненные достижения сибирского крестьянства в его хозяйственной и культурной жизни, но не скрываются и негативные явления в этих сферах при капитализме.

Появление книги «Народы Сибири» ознаменовало собой переход к третьему этапу советской историографии образа жизни русского крестьянства Сибири эпохи капитализма. В середине 1950-х — 1980-х гг. возобновились и приобрели большой размах и глубину этнографические исследования культуры и быта русского населения Сибири, двумя важнейшими центрами которых стали Москва и Новосибирск. При широком понимании быта в этнографии «им охватываются все устойчивые и типичные черты повседневной

¹⁸ Там же. С. 254–255.

¹⁹ **Народы Сибири** / Под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М.; Л., 1956. С. 115—214. (Текст написан Л. П. Потаповым с участием С. В. Иванова, Г. С. Масловой и В. К. Соколовой).

жизнедеятельности»²⁰, т. е. практически все стороны образа жизни. Хотя имеющиеся публикации пока не реализуют этот идеал полностью, жизнь крестьян предстает в них обычно довольно многосторонне.

Чаще всего описываются традиционные формы хозяйственной деятельности крестьян, некоторые (преимущественно праздничные и обрядовые) способы проведения досуга, те стороны демографического поведения, которые связаны с созданием семьи и воспитанием детей²¹. Некоторые жанры народного искусства (устный и музыкальный фольклор, прикладное искусство) изучаются и с точки зрения их роли в организации досуга и хозяйственной жизни, воспитании детей; характеризуются приемы творческой деятельности крестьянства Сибири²². А. В. Сафьянова исследовала роль женщины в семейной и общественной жизни дореволюционной деревни на Алтае²³. Ф. Ф. Болонев продолжил традицию исследования народного календаря, заложенную предшествующими поколениями этнографов, дал углубленную характеристику ряда сторон образа жизни крестьян-старообрядцев в Забайкалье²⁴. В лучших этнографических трудах сегодня привлекает стремление использовать как материалы полевых экспедиций, так и результаты архивных

²⁰ **Старовойтова Г. В.** К вопросу об этносоциологическом изучении «образа жизни» // Этнографические аспекты изучения современности. Л., 1980. С. 89.

²¹ **Крестьянство** Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 317—327. (Текст написан Ф. Ф. Болоневым); **Лебедева А. А.** К истории формирования русского населения Забайкалья и его хозяйственного и семейного быта (XIX — начало XX в.) // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969; **Она же.** Семья и семейный быт русских Забайкалья // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975. Ч. 2; **Она же.** Собирачество в быту русских крестьян Сибири (XIX — начало XX в.) // Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981; **Она же.** Формирование русского населения в Притоболье и хозяйственный быт (XVIII — начало XX в.) // Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII — начала XX в. М., 1979; **Сабурова Л. М.** Культура и быт русского населения Приангарья (конец XIX — XX в.). Л., 1967; **Она же.** Русское население Приангарья // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1971. Ч. 1; **Липинская В. А.** Заимки Западной Сибири конца XIX в. как сезонные поселения // Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII — начала XX в.; **Она же.** Семейно-брачные связи у русских крестьян Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири (XVIII — начало XX в.). Новосибирск, 1985; **Липинская В. А., Сафьянова А. В.** Свадебные обряды русского населения Алтайского горного окр. // Русский народный свадебный обряд. Л., 1978; **Сафьянова А. В.** Хозяйственная жизнь русского населения Верхнего Прииртышья во второй половине XIX — начале XX в. // Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII — начала XX в.; и др.

²² **Крестьянство** Сибири в эпоху капитализма. С. 346—361. (Текст написан Л. М. Русаковой); **Мельников М. Н.** Русский детский фольклор Сибири. Новосибирск, 1970; **Он же.** Детский фольклор и проблемы народной педагогики // Сибирский фольклор. Новосибирск, 1971. Вып. 2; **Владыкина-Бачинская Н. М.** Народное песенное творчество забайкальских семейских // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 2; и др.

²³ **Сафьянова А. В.** Положение русской женщины в алтайской деревне до революции и ее роль в общественной и культурной жизни в годы Советской власти // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии.

²⁴ **Болонев Ф. Ф.** Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX — начало XX в.). Новосибирск, 1978; **Он же.** Приемы продуцирующей магии в свадебных и календарных обрядах русского населения Восточной Сибири (вторая половина XIX — начало XX в.) // Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII — начало XX в.). Новосибирск, 1983; и др.

разысканий, другие источники, проследить изменение жизненного уклада в течение длительного периода — от середины XIX в. и ранее до наших дней — в связи с развитием общественного строя, обращать внимание на различия образа жизни не только конфессиональных и сословных, но и классовых категорий крестьянства.

Большинство из этих качеств присуще серии статей и обстоятельной монографии М. М. Громыко о традиционных нормах коллективного и индивидуального коммуникативного поведения русского крестьянства XIX в. и соответствующих им формах общения²⁵. Данные работы тематически (и в некоторой степени хронологически) являются продолжением замечательной книги того же историка «Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.)» (Новосибирск, 1975) и нескольких примыкающих к ней статей. Основываясь на общероссийских (в том числе сибирских) материалах, обобщая результаты локальных исследований, автор приходит к весьма значимому выводу: «... повседневное поведение крестьянства нормировано традициями, охраняемыми общественным мнением и основанными на широком комплексе нравственных, религиозных и социальных представлений. Не только в господствующих классах, но и в крестьянской среде нормы поведения осознавались, им учили, а не только воспринимали их из жизни»²⁶. Вывод этот основан на анализе этики взаимопомощи в хозяйственных делах, роли сельской общины в хранении и передаче традиционных этических представлений, а также норм поведения в среде молодежи. Привлекает высокий уровень теоретического осмысления изучаемого материала, что не очень характерно для большинства этнографических (обычно описательных) работ о сибирском крестьянстве. Остается пожалеть, что специфика избранного предмета заставила М. М. Громыко, ограничив рамки исследования, отказаться от рассмотрения заведомо новых черт общественного быта, привнесенных из города представителями сельской интеллигенции или из иной социальной среды.

Специалисты по социально-экономической и политической истории добились в середине 50-х — 80-х гг. принципиальных успехов в деле изучения экономических и политических условий жизни крестьянства Сибири эпохи капитализма. Появились крупные монографии и обобщающие труды на эту тему²⁷. В связи с этим стала яснее осознаваться необходимость и

²⁵ **Громыко М. М.** Проблемы и источники исследования этических традиций русских крестьян XIX в. // СЭ. 1979. № 5; **Она же.** Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // СЭ. 1984. № 5; **Она же.** Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.

²⁶ **Громыко М. М.** Традиционные нормы поведения... С. 270.

²⁷ **Тюкавкин В. Г.** Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966; **История Сибири с древнейших времен до наших дней.** Л., 1968. Т. 3. С. 22—41, 198—211, 300—327. (Тексты написаны В. А. Степониным, Ф. Г. Сафроновым, И. Н. Новиковым, Ф. А. Кудрявцевым, Л. Г. Сухотиной, Л. М. Горюшкиным, Е. И. Соловьевой и В. Г. Тюкавкиным); **Горюшкин Л. М.** Сибирское крестьянство на

возможность переноса частью историков преимущественного внимания от истории деревни как объективного естественноисторического процесса к ее развитию как результату жизненной активности людей, и прежде всего, самого крестьянства. Лучше всего изучена сейчас политическая активность сибирского крестьянства при капитализме. Итоги изучения этой темы на всех этапах историографии подведены в обобщающем труде, созданном группой ученых под руководством и при участии Л. М. Горюшкина²⁸. Продолжая изучать поведение различных категорий крестьянства по отношению к государственным и коронным институтам на основе хроники крестьянского движения, теперь можно переходить к анализу отношения крестьян к общественным нормам и учреждениям на уровне малых и больших групп (семья, соседи, сельское и волостное общества, сословная, конфессиональная, этническая общности, социальный слой). Историкам нужно активнее приступать к выяснению места и роли различных форм общественной активности крестьян в ряду других сфер их образа жизни. Здесь наблюдалась тесная взаимосвязь: негативное отношение многих крестьян к отправлению общественных «должностей» сельского и волостного уровня часто объяснялось стремлением сосредоточить усилия на ведении хозяйства; низкая эффективность применявшихся форм обучения детей грамоте затрудняла рост политической активности в большинстве своем неграмотных крестьян и т. д.

Историческая демография применительно к сибирской деревне эпохи капитализма дала в динамике характеристику некоторых важных черт демографической ситуации и основных определявших ее внешних факторов²⁹. На повестку дня стало теперь комплексное изучение демографического поведения крестьянства. Именно через него объективные природные, социально-экономические, политические и культурные факторы формировали

рубеже двух веков (конец XIX — начало XX). Новосибирск, 1967; **Он же**. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900—1917 гг.). Новосибирск, 1976.

²⁸ **Крестьянское движение в Сибири 1861—1907 гг.:** хроника и историография / Горюшкин Л. М., Кучер В. В., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н., Шустов К. Б. Новосибирск, 1985; **Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н.** Крестьянское движение в Сибири 1907—1914 гг.: хроника и историография. Новосибирск, 1986; **Он же**. Крестьянское движение в Сибири 1914—1917 гг.: хроника и историография. Новосибирск, 1987.

²⁹ **Горюшкин Л. М.** К характеристике народонаселения Сибири периода империализма // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1975; **Воробьев В. В.** Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975; **Соловьева Е. И.** Численность и структура русской крестьянской семьи Сибири во второй половине XIX в. // Хозяйственное освоение Сибири и рост ее народонаселения (XVIII—XX вв.). Новосибирск, 1979; **Крестьянство Сибири** в эпоху капитализма. С. 31—49, 176—184, 225—239, 248—252. (Тексты написаны Е. И. Соловьевой, В. Г. Тюкавкиным, Л. М. Горюшкиным); **Пронин В. И.** Население Сибири за 50 лет (1863—1913 гг.) // История СССР. 1981. № 4; **Он же**. Городское и сельское население Сибири в конце XIX — начале XX в. // Город и деревня Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1984; **Зверев В. А.** Русская крестьянская семья в Сибири конца XIX — начала XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1982; **Он же**. Брачный возраст и количество детей у русских крестьян Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири (XVIII — начало XX в.); **Он же**. Влияние переселения в Сибирь на демографическое поведение крестьян в конце XIX — начале XX в. // Исторический опыт освоения Сибири. Новосибирск, 1986; и др.

демографическую ситуацию. В то же время демографическое поведение становилось в изучаемое время все менее связанным с условиями жизни, во многом зависело от личностных и групповых качеств субъекта. Нуждаются в изучении не только процессы образования семьи, которым посвящены многие публикации этнографов, но также мотивы и способы регулирования ее размеров и структуры, отношение крестьянства к существующему уровню рождаемости и смертности, попытки влияния на этот уровень и на продолжительность жизни как в ходе борьбы за лучшие условия существования, так и путем оптимизации своего образа жизни (отказ от употребления вина, например).

Советскими историками изучаются уровень и качество развития системы просвещения в Сибири при капитализме, и в частности сети официальных и «домашних» школ, через которые обычно приобщались к грамоте немногие крестьянские дети³⁰. Учитывая, что этнографы давно интересуются также способами воспитания в крестьянской среде, следует поставить вопрос о необходимости соединения усилий для комплексного изучения всего процесса социализации детей и подростков в досоветской деревне. Этот процесс складывался из обучения, воспитания и физического становления, в ходе которых достигалось прочное включение формирующейся личности и целых поколений крестьянства в существующую общественную (в том числе семейную) структуру. Нуждаются в изучении и способы социализирующего влияния сельского «мира» на своих взрослых членов.

Хозяйственная деятельность крестьянства — тема, давно и плодотворно разрабатываемая в литературе. По всей Сибири или ее достаточно большим регионам в последние годы появились обобщающие труды по земледелию и скотоводству, обрабатывающим промыслам, крестьянскому хозяйству в целом³¹. В них характеризуются набор и географическая распространенность хозяйственных занятий, орудия труда, технология трудовых процессов. Специалисты по социально-экономической истории обращают особое внимание на инновации в хозяйственной деятельности, связанные с развитием капитализма, выделяют общие черты экономической жизни крестьянства Сибири — окраины и колонии в экономическом смысле, отдельных ее местностей. Думается, что при специальном изучении хозяйственной деятельности как сферы образа жизни крестьянства следует в дальнейшем рассмотреть крестьянское понимание смысла и целей труда, формы и способы его организации в рамках семьи, артели и общины, распределение бюджета времени между

³⁰ См. в настоящем сборнике статью К. Е. Зверевой.

³¹ **Асалханов И. А.** Сельское хозяйство Сибири конца XIX — начала XX в. Новосибирск, 1975; **Соловьева Е. И.** Крестьянская промышленность Сибири во второй половине XIX в. Новосибирск, 1975; **Она же.** Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск, 1981; **Бочанова Г. А.** Обрабатывающая промышленность Западной Сибири (конец XIX — начало XX в.). Новосибирск, 1978; **Крестьянство Сибири в эпоху капитализма.** С. 63—90, 190—197, 248—255. (Тексты написаны И. Н. Новиковым, Е. И. Соловьевой, В. Г. Тюкавкиным и Л. М. Горюшкиным).

отдельными работами, трудом и отдыхом как в течение дня, так и в годовом календаре. Трудовая деятельность крестьянства должна предстать во всем ее значении как важнейшая системообразующая, стержневая сфера образа жизни, вокруг и в значительной степени в процессе которой организовывалась вся жизнь деревни — воспитание детей, упрочение семьи, общественная и познавательная активность, общение.

Познавательная деятельность крестьянства Сибири эпохи капитализма изучена значительно хуже производственной. Имеющиеся работы по народной агрономии, народной теологии и медицине, социально-политическим представлениям крестьянства характеризуют скорее результаты познания, но не его технологическое содержание и общественную форму³². Сегодня нуждаются в изучении факторы, определявшие мотивы, содержание и приемы познания природы и общества в крестьянской среде. Разворачивается работа по исследованию экологических представлений крестьян, способов приспособления их жизни к разнообразным природно-климатическим условиям Сибири и влияния на эти условия³³. Это весьма актуальное направление работы историков — ведь пока нет полной характеристики уровня и способов получения, закрепления и передачи эмпирических знаний о климатических закономерностях, почвах, материалах для промышленной обработки, свойствах растений и животных. Недостаточно изучены пути проникновения в сибирскую досоветскую деревню научных знаний извне, их характер, степень распространения в различных социальных слоях и группах крестьянства, в разных местностях Сибири.

³² **Крестьянство** Сибири в эпоху капитализма. С. 333—346. (Тексты написаны И. В. Островским и Л. В. Островской); **Островский И. В.** Сельскохозяйственные навыки сибирского крестьянства в период империализма // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII — начале XX в. Новосибирск, 1985; **Пронин В. И.** Влияние трудовых традиций крестьян на развитие земледелия в Сибири в конце XIX — начале XX в. // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII — начале XX в.; **Островская Л. В.** Христианство в понимании русских крестьян пореформенной Сибири: (Народный вариант православия) // Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII — начало XX в.); **Чистов К. В.** Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX в. М., 1967; **Шустов К. Б.** Классовая борьба и общественное сознание крестьянства Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1981; и др.

³³ **Бочанова Г. А.** Промысловое освоение Сибири в конце XIX — начале XX в. (вопросы экологии) // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII — начале XX в.; **Минжуренко А. В.** Влияние природно-географического фактора на устройство переселенцев Сибири (конец XIX — начало XX в.) // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980; **Он же.** Заселение и хозяйственное освоение крестьянами-переселенцами степной полосы Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. // Проблемы исторической географии России. М., 1982. Вып. 2; **Верещагин П. Д.** К вопросу о роли географического и социального факторов при выборе крестьянами-переселенцами мест поселения за Уралом в период капитализма (80-е гг. XIX в.) // Проблемы исторической географии России; **Шадурский В. И.** Из истории земледелия юго-восточной части Тюменской обл.: Автореф. дис. ... канд. с.-х. наук. Свердловск, 1972; **Он же.** Улучшение лугов и пастбищ в Тобольской губ. (XIX — начало XX в.) // Труды / НИИ сельского хозяйства Северного Зауралья. Тюмень, 1980. Вып. 36; **Горьковская З. П.** Традиции охраны природы как проявление культуры крестьянства в промысловой деятельности // Развитие культуры сибирской деревни в XVII — начале XX в. Новосибирск, 1986; **Зверев В. А.** Экологические аспекты культуры и образа жизни крестьянства Сибири эпохи капитализма // Развитие культуры сибирской деревни в XVII — начале XX в.; и др.

Вопрос о необходимости специального изучения общения в крестьянской среде поставлен М. М. Громыко³⁴. Общение играло очень важную роль в формировании и поддержании характерных для изучаемой среды установок на определенный тип воспроизводства населения, хозяйственной деятельности, общественной и познавательной активности. Все знают о высокой эффективности и эмоциональной яркости применявшихся крестьянами способов общения, которое осуществлялось не только на досуге, но пронизывало все сферы образа жизни. Весьма актуальной в этой связи является задача изучения поводов, форм, содержания и результатов повседневного общения в семье, между родственниками и соседями, старожилами и переселенцами, русскими и аборигенами, сельчанами и городскими жителями, крестьянами и ссыльными. Очень важна тема крестьянского искусства как универсального способа общения. При ее изучении, как, впрочем, и при работе над всей проблематикой образа жизни крестьянства, необходимы дальнейшее объединение усилий собственно историков и этнографов, выработка методик, которые учитывали бы сильные стороны обоих направлений исторической науки и преодолевали известную односторонность каждого из них.

Подводя итоги, следует сказать, что имеющиеся исследования в той или иной мере раскрывают различные аспекты интересующей нас темы. Однако историки еще не ставили задачу комплексного конкретно-исторического изучения образа жизни крестьянства России или отдельных ее регионов в дооктябрьский период. Применительно к истории развития образа жизни советской деревни такая задача поставлена³⁵. Приступая к ее реализации, историки имеют очень схематичное представление о хронологически и генетически исходном состоянии исследуемого объекта, причем все еще «обнаруживаются крайности: с одной стороны, некритическое отношение некоторых авторов к прошлому деревни; с другой — забвение или недооценка положительных элементов в дореволюционном образе жизни крестьянства...»³⁶. Тем важнее в контексте исследования предпосылок Великого Октября и последующих коренных преобразований общества, в частности, формирования советского образа жизни, создать убедительную картину жизни деревни накануне революции.

При этом необходимо помнить, что образ жизни — это не конгломерат, не простая сумма отдельных сфер жизненной активности. Это результат их соподчинения и взаимопроникновения. Различные проявления жизни в старой деревне дифференцировались во времени и пространстве весьма слабо, зачастую являли пример довольно

³⁴ Громыко М. М. Традиционные нормы поведения... С. 7.

³⁵ Поляков Ю. А., Писаренко Э. Е. Исторические аспекты изучения советского образа жизни (к постановке вопроса) // ВИ. 1978. № 6; Касьяненко В. И. Советский образ жизни: проблемы исследования. М., 1982; Симуш П. И. Некоторые проблемы изучения образа жизни советской деревни // История СССР. 1983. № 3; и др.

³⁶ Симуш П. И. Некоторые проблемы изучения... С. 3.

сбалансированного сочетания, и очень важно уяснить принципы и способы последнего. Это возможно только при рассмотрении крестьянского образа жизни как целостного явления, при всей его внутренней противоречивости. Ленинский принцип историзма требует последовательно проследить процесс разложения этого явления и становления образа жизни новых общественных классов — сельского пролетариата и сельской буржуазии — в ходе «раскрестьянивания» деревни.

Представляется, что работа над темой должна органично вписаться в коллективное исследование исторического опыта изучения и освоения Сибири, которое развертывается под эгидой Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Своей познавательной и хозяйственной деятельностью крестьянство внесло весомый вклад в изучение и частичное преобразование природы Сибири. На характер, темпы, результаты колонизации окраин России заметно влияли особенности демографического поведения, хозяйственной и познавательной активности крестьян — переселенцев и старожилов. В свою очередь, активная роль в колонизации существенно влияла на все стороны образа жизни крестьянства. Участие крестьян в политической борьбе влияло на состояние общественных структур и в то же время способствовало перестройке других форм жизнедеятельности, а также сознания деревенских жителей.

Освоение Сибири можно рассматривать как преимущественно естественноисторический процесс, обусловленный в конечном счете действием объективных законов развития и функционирования общества. Но история этого освоения становится гораздо полнее, наполняется живым содержанием, когда принимаются в расчет также цели, смысл, способы и результаты участия в этом процессе людей — конкретных лиц, малых и больших социальных групп, их образ жизни.